

Василий Нарезный

Турецкий суд

Василий Нарезный
Турецкий суд

«Public Domain»

1824

Нарежный В. Т.

Турецкий суд / В. Т. Нарежный — «Public Domain», 1824

Повесть «Турецкий суд» относится к так называемым «восточным повестям», где под условным «восточным» колоритом скрывается едкая сатира на беззаконие и корыстолюбие духовенства. Нарежный не стремился здесь изобразить обычаи и нравы Востока, Сатирическое начало сочетается в ней с нравственно-дидактическим, показать добродетельность и неподкупность «турецкого» правосудия. В повести отчетливо сказались просветительские взгляды Нарежного.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Василий Трофимович Нарезный Турецкий суд

Площадь в Каире. У правой стороны главная мечеть.

При входе стоят муфтий и великое множество имамов^[1] и сантонов¹, поодаль толпы народа разных званий и исповеданий, что приметно по их одежде.

Имамы стоят смиренно, потупя взоры; народ волнуется, а сантоны делают наподобие беснующихся необычайные прыжки и размашки руками, показывая вид яростный.

Муфтий. От имени всего сословия освященных имамов благодарю вас, вдохновенные сантоны, за принятие стороны правой. Ваши грозные телодвижения и сверхъестественные скачки явно открывают всем определение неба, что нечестивые также проворно соскочат в пучину гееннскую, православие возвратится на землю египетскую, и сословие наше поднимет паки поникшую главу свою. Великий пророк с высоты небесной, от среды рая, покоясь на ложах всегда девственных гурий^{2[2]}, обратит к нам милостивое око свое. Дерзайте, убо, рабы божий! скоро настанет минута, в которую вы окажете народно святую ревность свою! Да постыдятся – паче Абуталеба, все, неверующие святости мужей, которые толико ревностны в исполнении своих обегов, что без всякого смущения всенародно производят такие дела, на какие не всякий дерзнет и наедине.

Глава сантонов. Кто мог когда-либо сомневаться в святости сантонов, посредством которой, быв еще на земле телом, духом возносятся они на небеса и провидят судьбы человеков. О святые сантоны! о любезные друзья и братья! в знак нашего восторга пропляшем теперь пляску кровавую!

Все сантоны. Пляску кровавую, пляску смертную!

(Они становятся в кружок, вынимают ножи и начинают неистовую пляску, нанося один другому и самим себе легкие раны, воют дикими голосами под звук бубнов.)

Грек (тихо к Марониту). Чему бы так обрадовались эти сумасшедшие?

Маронит. Не знаю, а думаю, что не перед добром. Спросить было у того турки; подойдем к нему, он должен знать. – «Почтенный мусульманин! открой, пожалуй, что значат эти священные скачки сантонов?»

Турка (важно, не глядя на них,). Не больше, как что один из здешних знатных особ пошлет скоро в дар великому султану неверную свою голову.

Грек (струся). Вот тебе и на! (Отходит.) Я один из важнейших здесь купцов, однако большого греха за собою не знаю. (Тихо к Марониту.) Правда, есть у меня заповедный товарец, посредством которого довольное число турецких, персидских, греческих, армянских и даже эфиопских красавиц поновил я так – понимаешь? – но за это, думаю, не только они, но ни отцы их, ни матери не станут жаловаться.

Маронит (весьма тихо). И я не без греха, но его никто не знает, а это, по-моему, то же, что ничего. – Несколько времени назад проклятый кадий^[3] нашего города³ вымучил у меня сто червонцев за то, что показалось ему, будто я очень умильно смотрел на молодую турчанку, шедшую из бани. Как он недалекий мой сосед, то я знал, что он каждую ночь тайно посещает прекрасную жидовку, благодаря ее за ласковые приемы различными потворствами, различным бездельствам отца ее и всего семейства, и на сем сведении основал план моего мщенья. В

¹ Сантоны в турецких областях, особливо азиатских и африканских, есть род святочтимых угодников, которые, в знак своего мироотвержения, одеты в гнусные одежды, другие полунаги, а иные совсем нагие, всенародно производят бесчинства самые позорные.

² Смотри: Систему магометанской религии, соч. кн. Кантемира. (Примечания Нарезного.)

³ Город Каир разделяется на три города, подобно как Москва на пять, Киев на два и проч. (Примеч. Нарезного.)

одну ночь с удалым приятелем засел я в тесном переулке, и, когда показался кадий, мы на него напали, ограбили по-африкански, то есть кругом, и, прибыв в безопасное место, нашли, что добыча наша состоит из 200 червонных, кроме хорошего кинжала и порядочного перстня. Однако я не беспокоюсь, ибо, если бы на меня взято было подозрение, то и костей моих до сих пор собрать бы нельзя было.

Жид (стоявший позади, его подслушивает). Ого, приятель! добрые дела творить изволишь! посмотрим, как-то наградит тебя кадий за такую примерную храбрость.

Маронит (сильно испугавшись). Любезный друг!

Жид. Какой вздор! этим пустословием потчуй ты своих братьев христиан, а мы любим что-нибудь поделнее, полновеснее.

Грек. Да что такое? Я так задумался, что право не слыхал ни одного слова. Прошу иметь меня в стороне.

Жид. До тебя и дела нет! – Ну что же, храбрый муж?

Маронит. Изволь, изволь! в чем же твоя совесть полагает дело?

Жид. И очень докажу, что я совестлив! Три дня тому назад здешний наша Ассан осудил на виселицу – да взыщет на нем господь бог за сие беззаконие – молодого жида, который имел смелость и удачу обидеть какую-то турчанку. Экая важность! долго водили по улицам бедного узника и каждому обывателю грозили повесить его над окном. Не желая видеть такого горестного позорища, каждый платил приставу деньги по состоянию и тем отделялся. Наконец подошли к окнам моего дома и требовали пять червонцев, говоря: ты-де богат. Безбожники! Возможно ли было мне слышать равнодушно такую несносную речь? С негодованием отошел я от пристава, и тотчас осужденник был повешен над окном той комнаты, в которой я совершаю молитвы, и висит уже третий день. Это было предуведомление, а теперь пойдет самое дело. Ты получил от кадия двести червонцев, – так разделим их честно, и я на счет половины, во-первых, избавлюсь висельника, а во-вторых...

Маронит. Но я уже поделился с товарищем своим в рыцарстве.

Жид. Плохо же ты сделал, нерасчетливо! – Но так уж и быть; поделимся хотя твоею долею; я очень совестлив!

Маронит. Согласен! Пойдем к стороне и рассчитаемся, а лучше всего к тебе в дом. Я лишился ста червонных за умильный взгляд на пригожую турчанку; пусть же теперь за пятьдесят полюбуюсь, глядя на жида-висельника. (Про себя.) Черт бы вас побрал, бездельников! Но постой! Уж подстерегу тебя! Кто не побоялся сразиться с кадием, тот перед жидом ли струсит?

(С обеих сторон площади слышна музыка на бубнах и гобоях. Все умолкают; сантоны, остановив пляску, от бессилия падают на землю. С правой стороны, в сопровождении многочисленной свиты, появляется Ассан, паша Египта; с левой с такою же свитой Ибрагим-паша, посланный от султана, из Стамбула. Они медленно подходят один к другому; музыка умолкает.)

Ибрагим. Желаю здоровья и долгоденствия Ассану, светлейшему паше Египта, Сирии и Палестины!

Ассан (подав ему руку). Того же желаю твоему великолепию! Почто не удостоил принять предложение мое и прямо приехать в мои палаты. Посол и зять великого повелителя правых всегда бы принят был как друг старинный.

Ибрагим. Я имею на сей предмет особенное повеление от его султанского величества. Когда найду тебя невинным, то вступлю во дворец твой как дружелюбный гость, в противном случае как преемник власти твоей.

Ассан (в удивлении). Меня невинным? Разве я обвинен пред моим повелителем?

Ибрагим. Не обвинен, но обвиняем во многочисленных преступлениях и, совещусь сказать, – в беззакониях!

Ассан. Клянусь всевышним и великим его пророком, что в совести своей не чувствую не только угрызения, но даже и беспокойства.

Ибрагим. От всего сердца желаю, чтоб то было справедливо! Прости, Ассан, что я делаюсь теперь твоим судиею. Не думай, что я забыл время, когда под твоими знаменами сражался в Персии. Ты был тогда моим повелителем.

Ассан. Всякий обязан исполнять свою должность, повинуюсь установленной власти. Исследуй дела мои, Ибрагим, и отошли в Стамбул пред трон или мое оправдание, или – мою голову.

Ибрагим. Да будет так! (Протягивает руку к близ стоящему чиновнику, который вручает ему парчовый пакет. Ибрагим раскрывает, вынимает бумагу, кладет на голову, потом целует с благоговением и громко произносит.) Катешериф его величества! (Все, сложа на груди руки, низко наклоняются; Ибрагим читает.) «Мы, султан Амурат, великий обладатель Востока, Запада и Юга, брат солнца и дядя луны, нашему паше Ибрагиму здоровья. – Несносны, наконец, стали для нас жалобы обитателей Египта, в особенности же Великого Каира на Ассана-пашу, постановленного нами властелином над областью тою, вместе с Сириею и Палестиною. Сердце наше убеждается сострадать их стенаниям; рассудок хочет познать истину, ибо я человек и султан. Ибрагим-паша! отправься немедленно в Каир, собери на главной площади народ и духовенство совокупно; тщательно испытай деяния Ассама пред лицом неба и народа. Если он окажется виновен в нарушении повелений нашего величества, поколебав общее спокойствие, да разрешится вина его пред великим пророком и нами, наместником его на земле, – потеряннем преступной главы своей. Если же он признан будет невинным, да понесут казнь обвинители его, дерзнувшие – по безумию своему – оскорблять слух нашего величества жалобами несправедливыми. Тебе, Ибрагим-паша, отдаю и меч гнева моего и щит пощады. Вручи и то и другое по заслугам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Имам (букв.: вождь) – так назывался религиозный иерарх и владетельный князь у шиитов – одной из религиозных мусульманских сект.

2.

Гурии – согласно Корану, священной книге мусульман, вечнодевственные существа, обитающие в эдеме (раю).

3.

Кадий (казий) – судья, разбирающий дела по мусульманскому религиозному закону.